

БУДУЩЕЕ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ: НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ПЕРСПЕКТИВЫ

1. На мой взгляд, главной характеристикой наличного положения и обозримого будущего религиозных новообразований в современной России является *неопределённость*. За этим словом кроется, прежде всего, отсутствие чётко фиксированных пределов, т. е. неких различимых границ, в рамках которых можно точно установить, что, собственно, стоит за маловразумительной, но уже прижившейся терминологической конструкцией «новые религиозные движения» (далее, для краткости — НРД). Кроме того, если что и очевидно при названной неопределённости, так это зыбкость положения НРД и неясность перспектив их существования.

Неопределённость проявляется уже при установлении хронологических рамок понятия «новые» применительно к сообществам, которые так или иначе зачисляются в разряд НРД: то ли ограничиться, как точкой отсчёта, серединой XX в. и числить за НРД некие специфические новообразования, возникающие с этого времени и по сей день; то ли «удревнить» хронологию до начала XX в. или даже возвести к религиозным направлениям, возникшим в XIX в.?

Можно добавить и ещё какие-то аспекты, по которым нет согласия ни в обществе, ни в учёной его части. Вокруг чего, за пределами научных дискуссий, временами вспыхивает наиболее страстная полемика на тему НРД. Ну, например, — то ли сами возникают, то ли «засланцы»; то ли их участников чудовищно много, то ли ничтожно мало; то ли надо активно бороться с ними и искоренять, то ли «не три, само пройдёт».

Любопытно, что вспышки полемики в адрес НРД, отраженные в периодической активности различных СМИ, как-то синхронизируются с периодами обострения в стране тех или иных социально значимых проблем, что побуждает к ассоциациям с «переводом внимания», «отвлекающими действиями» и с прочими «канализирующими» мероприятиями. Известно, что по отношению к НРД легче проявлять правоохранительное рвение и антиэкстремистскую активность — они особо не скрываются, а какая-то их часть имеет госрегистрацию в статусе религиозных организаций и вполне доступна для любой проверяющей инстанции.

О терминологической неопределённости в обозначении религиозных новообразований исследователями уже сказано достаточно. Сошлюсь, к примеру, на обстоятельное рассмотрение этого вопроса в известном труде профессора И. Я. Кантерова о новых религиозных движениях в России^[1]. Замечу лишь, что отсутствие приемлемой для всех единой маркировки рассматриваемых сообществ связано не столько с научными затруднениями, сколько с зависимостью от занимаемых идеологических позиций (к которым отношу и религиозные предпочтения). Там, где доминирует идеологический пафос, практически невозможно перейти к научному дискурсу и оперировать объективной аргументацией. Отсюда и появляются все эти словечки —

«альтернативные», «деструктивные», «тоталитарные», «квази-», «псевдо-», «лже-» и т. д., вплоть до сакраментального «секты».

Особую чувствительность вызывает понятие «нетрадиционные религии». Для части религиоведов оно категорически неприемлемо. Справедливо отмечается, что «нетрадиционность» по отношению к религиям является характеристикой с дискриминационным подтекстом в повседневном бытовании этого понятия. Другие находят резон использовать его, но не в оценочном звучании, а исключительно в классификационном смысле.

Конечно, это понятие не может, точнее — не должно использоваться в правоприменительной практике, по крайней мере, пока не получит легитимного юридического описания. Но понятие нетрадиционных религий позволяет вычленил из общей совокупности действующих в нашей стране религиозных направлений, а таковых сейчас около 70, те сообщества, чья история существования в России свидетельствует об их принадлежности именно к новообразованиям в сфере религиозной жизни. (Всё-таки имеется разница между, скажем, Русской Православной Церковью, которая, в силу укоренённости в историю и повседневность многих поколений, была, есть и будет присутствовать в религиозном пространстве России, и, например, Церковью Последнего Завета, возникшей у нас на глазах, срок жизни которой вряд ли намного превысит сроки земного пути её основателя).

Вопрос, по каким хронологическим и иным признакам то или иное религиозное направление может считаться традиционным или рассматриваться как нетрадиционное, — остаётся дискуссионным. Полагаю, что для каждой из религий в России этот вопрос надо решать, исходя из конкретных обстоятельств времени и места их появления и распространения. Очевидно, что нетрадиционные для конкретной российской местности религии могут быть вполне традиционными в регионе своего возникновения (главным образом, за рубежом) и иметь там давнюю историю. В то же время какие-то новообразования могут возникать как продукт эволюции традиционных религий и претендовать на роль истинного продолжателя традиции, либо противопоставлять себя устоявшимся в обществе стереотипным представлениям о религии.

Но сказанное не убавляет неопределённости. Мы знаем, что далеко не все из религиозных сообществ, которые действуют как бы «параллельно» традиционным для страны религиям, приемлют для себя маркировку «новых религиозных движений». Например, Церковь Божьей Матери «Державная» представляет себя как подлинное явление православия; язычники настаивают на том, что именно они продолжают истинную духовную традицию, более древнюю, чем христианство в России (и по этой причине отрицательно относятся к понятию «неоязычество»), а кришнаиты-вайшнавцы придерживаются убеждения в куда более древних истоках своего сообщества, чем это им обычно вменяется.

Наряду с этим, многие из новообразований, причисляемых к НРД, вовсе не склонны обозначать себя как именно религиозные сообщества, заявляя о статусе

общественных, просветительских, оздоровительных и проч. нерелигиозных организаций.

Последнее обстоятельство, кстати, подводит к такому аспекту неопределённости, как теоретико-методологическая проблема критериев религиозной идентификации. Характеристика чего бы то ни было именно как религиозного, либо как нерелигиозного зависит от понимания того, что такое собственно религия. Этот вопрос есть «краеугольный камень» любого религиоведческого теоретизирования, он же — «камень преткновения», он же — «ахиллесова пята», он же — «больная мозоль», кому как нравится. Всегда есть риск увязнуть в дискуссии по этому вопросу и тогда уже до остального, т. е. до содержательного анализа предмета, дойти удаётся редко. Поэтому, кстати, многие исследователи старательно избегают частого употребления слова «религия», применяя его функциональные эквиваленты, типа «духовности», «духовных традиций» и т. п.

К рассматриваемым новообразованиям всё это имеет прямое отношение. Если отсутствуют однозначные и общепринятые критерии отнесения к религии, то идентификация этих новообразований в качестве религиозных становится вполне уязвимой для претензий — и со стороны конфессиональных оппонентов (для которых подлинная религия это только то, что исповедуют они), и со стороны представителей так называемого антикультового движения (АКД), и со стороны самих исследуемых сообществ, многие из которых, повторю, вовсе не склонны сами обозначать себя как религиозные.

2. Реальный «вес» проблемы НРД измеряется, прежде всего, подлинным масштабом их присутствия в российском обществе.

По сей день во множестве изданий чаще всего имеют хождение сведения, обнародованные в Информационном материале «К докладу о социально-медицинских последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье личности, семьи, общества и мерах обеспечения помощи пострадавшим», подготовленном в Минздраве ещё в 1996 г. В документе значилось: «По некоторым данным, в различные культовые новообразования уже вовлечено от 3 до 5 млн человек, 70% из них — молодёжь от 18 до 27 лет; 80% адептов — с высшим и средним образованием; студенты — около 1 млн человек, из них 25-30% бросили учёбу»; указывалось также, что на конец 1995 г. «официально зарегистрировано» более 6 тыс. сект, из них только крупных «насчитывается более полусотни». Материал был включён в «Аналитический Вестник» Федерального Собрания Российской Федерации^[2] и данные из него охотно воспроизводятся в «сектоведческой» литературе^[3].

Близки к этому и данные православных составителей сборника информационно-аналитических материалов «Знакомство с сектами в современной России» (2007 г.); со ссылкой на СМИ они указывают, что в стране «действуют до 5000 различных сект, в которые вовлечены около 3-х миллионов российских граждан»^[4]. В «сектоборческом» обиходе (а НРД часто маркируются понятием «секты», с добавлением эпитета «тоталитарные») встречаются и цифры 5-10 млн участников «культов и сект», что вызывает сомнение даже у ведущих специалистов АКД в России. По мнению одной из них, Н. В. Кривельской, в

рядах НРД состоит от 700 тыс. до 1 млн. членов^[5]. Несколько сужает этот диапазон Российская Ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС), исчисляя контингент НРД приблизительно в 600-800 тыс. человек; из них 300 тыс. отводится неопятидесятникам, до 150 тыс. Свидетелям Иеговы, 10 тыс. саентологам, до 5 тыс. мунитам и т.д.^[6].

В Информационном письме Минобразования России «О деятельности на территории России представителей нетрадиционных религиозных объединений» от 12 июля 2000 г. количество «иностранных сектантских общин» в нашей стране определяется как «всего около 700»^[7]. Десять лет спустя в российских СМИ, с подачи А. Л. Дворкина, стало сообщаться о наличии в стране около 80 крупных сект, тогда как «счёт мелких сект идет на тысячи»^[8].

Должностные лица правоохранительных органов более скромны в цифрах, но реагируют на «секты» не менее настороженно. Так, министр внутренних дел Р. Нургалиев, выступая 3 августа 2011 г. в Хабаровске на выездном заседании межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в России, объявил: «На территории страны действуют около десяти крупных религиозных сект. Это вызывает особую тревогу, ведь члены сект зачастую уходят из семей, разрывают социальные связи, отдают свое имущество, а иной раз совершают тяжкие и особо тяжкие преступления». Он добавил, что в ряде сект процветает насилие, члены некоторых сект совершают поджоги храмов и даже убийства^[9].

Исследователи НРД из среды академических и вузовских учёных также приводят расходящиеся данные. В Предисловии ко второму изданию (1998 г.) словаря-справочника о НРД, составленного на кафедре религиоведения РАГС при Президенте Российской Федерации, со ссылкой на «данные социологов», говорится: «около 10% населения, прежде всего из числа молодёжи, студентов, научно-технической и творческой интеллигенции, называют себя приверженцами новых религиозных движений»^[10] (справедливости ради заметим, что «приверженец» не тождественен «последователю»). В конце 2006 г. социологический опрос (1600 респондентов из 150 населённых пунктов 46 республик, краёв и областей страны) по совместному проекту газеты «Известия» и ВЦИОМ выявил 11%, отнёсших себя к верующим «неконфессионально»^[11]. Аналогичный опрос, проведённый в том же году по схожим методикам Институтом общественного проектирования (ИнОП, Москва) вывел на позицию «верую неконфессионально» 15% респондентов^[12]. Понятно, что такая позиция не требует обязательного участия этих людей в конкретных религиозных новообразованиях; скорее она обозначает ту часть населения, которая является основным резервуаром пополнения рядов НРД. (Например, как заметил С. И. Иваненко, «в России численность активных членов Общества сознания Кришны, получивших богословскую подготовку и регулярно участвующих в проповеди и благотворительной деятельности, возросло с 3 тыс. человек в 1998 г. до 12 тыс. в 2007 г., а общее число приверженцев, по оценке самих кришнаитов, за этот период практически не изменилось и составляет до 100 тыс. человек»^[13]).

Сейчас специалисты в основном сходятся на предельной цифре в 300 тыс. участников НРД в России, уточняя, что далеко не все из них являются активно практикующими. Например, по оценке М. С. Штерина, на протяжении всех 1990-

х годов реальная численность НРД была достаточно низкой. «Большинство российских НРД имеет от нескольких десятков до нескольких сотен членов; только несколькими удалось привлечь более тысячи. Так МОСК никогда не имело более 1500 “преданных”, живущих в ашрамах, кроме того, у него было около 1500-2000 членов “общины”. Церковь Объединения имела около 1000 последователей в 1996 г., Богородичный центр — около 3500 (400 — в Москве и Московской области) в 1997 г.; у Виссариона — 2000 (в сибирской общине), “Семья” — около 100 членов в 1997 г.». Указав на невозможность точного подсчёта, Марат Штерин утверждал, что в течение 1990-х годов общее число участников НРД не превышало 40 тыс. человек; если даже добавить к ним последователей сообществ позднепротестантского происхождения, возникших в XIX и XX веках (Свидетелей Иеговы, мормонов, харизматических церквей и др.), то «цифра, возможно, достигнет 300 тыс. человек, что не превышает 0,2% общей численности населения России»^[14].

В 2000-е годы конкретные цифры менялись, но общий количественный уровень последователей НРД по всей видимости не превысил указанный процентный показатель. В исследовательской среде высказывается мнение о том, что со второй половины 1990-х годов общий рост НРД в России остановился, численность большинства из них стабилизировалась или стала постепенно снижаться^[15]. Я разделяю это мнение.

Можно заметить, что даже позитивная динамика каких-то из религиозных новообразований вовсе не свидетельствует об их сколько-нибудь весомой доле в религиозном спектре Российской Федерации. Феномен нетрадиционных религий, включая НРД, являет собой довольно небольшой сегмент религиозной жизни современной России. Эмпирически необоснованным и явно идеологически конъюнктурным будет утверждение, что НРД заполнили духовное пространство страны и вытесняют традиционные религиозные направления.

3. Как всякая новация, возникшая в социальной среде, исторически привыкшей к определённому набору стереотипов о религии, НРД вызывают к себе, прежде всего, настороженность и далеко не всеобщее принятие. Имеет место и враждебность в адрес лидеров и последователей НРД. Причём такое отношение остаётся константным независимо от конкретных обстоятельств положения религии в России на рубеже XX и XXI веков. Приведу два примера.

В феврале-марте 2000 г. по заказу Фонда Эберта Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП) по всероссийской выборке (2050 человек в 58 городских и сельских поселениях) был проведён опрос «Россияне о судьбах России в XX веке и о своих надеждах на XXI век», включавший пункты об отношении к религии. О своей вере в Бога (христианство, ислам) заявили 46,9%, неверующими ни в какие сверхъестественные силы оказались 10,3% респондентов. По результатам опроса было установлено, что 34,6% православных, 14,5% мусульман и 21,8% неверующих обнаружили категорическую убеждённость в том, что в России должны существовать только традиционные религии (поименованные в известной преамбуле Федерального Закона «О свободе совести и о религиозных

объединениях» 125-ФЗ); 32,7% православных, 32,8% мусульман и 35,3% неверующих допускали полное равноправие религий, «за исключением сект, которые посягают на достоинство, права и свободы личности»; возможность распространения вообще любых религий поддержали только 4,2% православных, 5,2% мусульман, 8,9% неверующих^[16].

Осенью 2007 г. в ходе Интернет-опроса газеты «Известия» и информационного мультипортала «KM.RU» на вопрос «Надо ли бороться с религиозными сектами?» из 2717 респондентов 50% выбрали ответ «Да, они противопоставляют себя обществу»^[17]. Очевидно, что в обоих случаях за словом «секты», вызвавшим негативную реакцию, в представлениях опрошенных стояло не столько собственно религиозное сектантство, сколько то, что обозначается как НРД.

Учитывая, что контингент участников религиозных новообразований в России состоит из граждан Российской Федерации, т. е. из членов современного российского общества, адекватное понимание НРД является не только важной исследовательской задачей, но и одним из условий принятия оптимальных решений в так называемой религиозной политике. В этой связи вполне актуальной становится проблема социальной адаптации НРД, перспективы которой, однако, представляются весьма расплывчатыми.

Адаптация — суть приспособление. Мотив приспособления, разумеется, имеет место в существовании НРД. Они вынуждены считаться с исторически сложившимся способом устройства религиозной жизни общества и приноравливаться к нему, пусть даже и вопреки тем или иным установкам своих учений. Но было бы неоправданным преувеличением сводить социальную адаптацию НРД в России только к приспособлению.

Именно потому, что НРД объединяют соотечественников, людей с изначальной биографической интегрированностью в российское общество (включая место рождения и проживания, национальность, образование, социальный статус и т. п.), нельзя рассматривать их как «инородное тело», пытающееся вписаться в местный уклад жизни. Скорее имеет место ситуация применения какой-то частью россиян неких новых религиозных языков, более точно выражающих их самоощущение, духовные и социальные потребности, нежели существующие в России языки религии. Заёмные это языки (как в случае с НРД зарубежного происхождения), или собственные «диалекты» (как в случае с автохтонными НРД), — не имеет особого значения. Не столь существенно, кстати, — соответствуют ли эти новые языки стереотипному представлению о том, что следует считать религиозным, или не соответствуют. Если «пользователи» этих языков воспринимают свои практики как религиозные, то они и будут для этого контингента подлинным языком религии. Важно то, что отдельным группам или индивидам, новый религиозный язык помогает выстраивать их жизненную стратегию оптимальным для них образом. Важно и то, чтобы не возникали искусственно созданные внешние факторы репрессивного характера в отношении к таким «ищущим» и нашедшим себя в НРД.

Естественно, как указал некогда обитатель московского Мавзолея, «нельзя жить в обществе и быть свободным от общества». Перспективы НРД связаны ещё и с необходимостью для их участников совмещать свой субъективный духовный поиск с объективностью окружающей социальной среды. У «сектофобов» и энтузиастов антикультового движения есть, как говорится, своя правда — в обществе, балансирующем на грани нестабильности, сохранение социального целого часто увязывается с устранением любого разномыслия, включая религиозное. В свою очередь, последователям НРД также может быть присуща конфронтационная манера поведения, которая препятствует реалистичной оценке ситуации. Так что адаптация НРД есть процесс двусторонний.

Учёные-религиоведы могут, конечно, да и должны, по моему убеждению, академически рассуждать об органичной связи религиозных новообразований с социокультурными трансформациями в постиндустриальном мире, трактовать НРД как закономерное явление в жизни общества на определённой стадии его эволюции, делать из этого вывод, что «вписанность» НРД в социум или их отторжение зависят от состояния самого общества и религиозной ситуации в нём. Но нельзя уйти в «академическое пространство» от реальности тех стереотипов и фобий общественного сознания, в которых НРД мифотворчески превращаются в носителей «тёмного» начала, на происки которого так хорошо списывать множество болезненных проблем российской жизни. Можно сколь угодно убедительно сообщать «городу и селу» о том, что называется религиозным сектантством, а что им не является; что в действительности представляют собой НРД (если мы это сумели понять) и почему они не так страшны, как их малюют; можно ссылаться на конституционные и прочие законодательные нормы о свободе совести, — и такому повествователю будут согласно кивать, дескать «да, всё так»; но как только начинается интерактивное общение, сразу следует ожидать фразы, типа: «А вот недавно по телевизору показывали одну секту, так они такое вытворяют...», — и всё надо начинать сначала.

Общий вывод из сказанного до банальности прост: неопределённость перспектив НРД обусловлена политико-идеологической конъюнктурой: есть соблазн, говоря фразеологизмом советского агитпропа, «разыгрывать карту» НРД, как кошка играет с мышкой — то придушив, но не до смерти, то отпустив, как бы на свободу (совести).

Однако самое существенное видится в другом: для российского общественного сознания очень весом так называемый «мифологический остаток», — архетипическая структура членения социального окружения на «мы» и «они», «своё» и «чужое», — наличие которого обрекает НРД на сложное будущее. Они будут нужны российскому социуму, но вовсе не как пространство духовной самореализации каких-то групп населения, а как демоническое явление, наличие которого объясняет, почему у нас, с нашей замечательной духовностью, всё же не всё так хорошо, как хотелось бы. В этом плане НРД под именем «тоталитарных сект» уже вписаны в любимый народом набор

мифологизированных субъектов, наряду с коварными Соединенными Штатами, сионистами, масонами и иже с ними... Такая вот перспектива.

* - Смирнов Михаил Юрьевич – доктор социологических наук (Санкт-Петербургский государственный университет).

[1] Кантеров И.Я. Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ). - М., 2007. - С. 16-93.

[2] О национальной угрозе России со стороны деструктивных религиозных организаций // Аналитический Вестник / Федеральное Собрание — Парламент Российской Федерации: Аналитическое управление. Серия 8. «Оборона и безопасность». - Выпуск 28. - М., 1996. - С. 34.

[3] См.: Шапарь В.Б. Секты -угроза национальной безопасности России. -Ростов н/Д, 2007.- С. 3, 6.

[4] Знакомство с сектами современной России: Сборник информационно-аналитических материалов. Часть первая: Основные представления о религии и сектах. Псевдохристианские секты России / Ред.-сост. Стороженко А. И., Яковлева В. В. - СПб., 2007. - С. 67.

[5] Кривельская Н.В. Религиозная экспансия против России. - М., 1998. - С. 28.

[6] Заявление РАЦИРС по поводу реальной численности членов сект в России. 11 октября 2006 г. // <http://subscribe.ru/archive/religion.apologia/200610/13162853.html>

[7] См.: Приложения // Бирюков В.Ю. Нетрадиционные религиозные объединения: выявление потенциала деструктивности и анализ угроз. - СПб., 2009. - С. 236.

[8] <http://www.sedmitza.ru/news/695536.html>

[9] <http://www.interfax-russia.ru/FarEast/news.asp?id=249565&sec=1671>

[10] Новые религиозные культы, движения и организации в России: Словарь-справочник / Науч. ред. Н.А. Трофимчук, Ф.Г. Овсиенко, М.И. Одинцов. - М., 1998. - С. 13.

[11] В России можно только верить? «Известия» и ВЦИОМ выяснили, каким богам мы молимся // Известия. - 2006, 19 дек.

[12] Семёнов В.Е. Религия и вера в современной России: социологический срез // Санкт-Петербургский университет. - 2007, № 5. - С. 62.

[13] Иваненко С.И. Русская православная церковь, индуизм, Общество сознания Кришны: есть ли предпосылки для налаживания конструктивных взаимоотношений? // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. - Вып. 7: Сб. статей. - СПб., 2009. - С. 306.

[14] Штерин М.С. Новые религиозные движения в России 1990-х годов // Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России. - СПб.- М., 2000. - С. 160, 161.

[15] Эгильский Е.Э., Матецкая А.В., Самыгин С.И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения: Учебное пособие. - М., 2011. - С. 101.

[16] Мчедлов М.П. Вера России в зеркале статистики // НГ-Религии.- 2000, 17 мая.

[17] Известия. – 2007, 28 ноября.